

6. «Гремящий стихотворцев глас»

То же можно сказать о немецкой школе разума и петербургском ее филиале. Подробный анализ показал нам, что влияние петербургско-немецкой поэзии на Ломоносова выражается 1) в том, что у нее самой было общего с европейским классицизмом, например с Малербом (здесь, очевидно, Юнкер и Штелин не в счет); 2) в некоторых общеклассических явлениях, однако, особо резко выраженных у немцев (таковы, например, узость жанров и метрики, роль надписи и само представление о надписи, как самостоятельном жанре); 3) в вовлечении Ломоносова первых петербургских лет, от 1741 до 1743 г. (но не позже), в практику главного академического литературного жанра — комплиментарной оды. Но ода эта характеризует не продуктивное содержание его будущего развития, а то, от чего и против чего это развитие произойдет. Единственное действительно плодотворное, что Ломоносов получил от петербургской немецкой поэзии, это 4) некоторые темы оды Юнкера 1742 г., в особенности ее «экономизм» и связанную с ним концепцию странствующих Муз. Но и здесь нельзя забывать, что речь может идти лишь о тематическом зародыше. После 1743 г. Ломоносов изучит главных поэтов европейского классицизма, в особенности Малерба, и найдет у них такое глубокое развитие этих же тем, перед которым даже ода Юнкера 1742 г. окажется бледным отголоском. Абсолютная монархия могущественно когда-то способствовала экономическому развитию европейских стран, Франции в первую очередь. Поэтому вся классическая ода проникнута духом своего рода национального экономизма, а потому и апологией той «тишины» (*la paix*), которая нам памятна по оде Ломоносова 1747 г., но которая неотделима от всей европейской поэзии эпохи классицизма. Возможно, что начало этой оды полупереведено из Ронсара:

Diversement, o paix heureuse,
Tu es la garde vigoureuse
Des peuples et de leur cités.⁸²

Петербургские немецкие поэты были поздними (и запоздалыми) эпигонами тех действительно великих творцов (главным образом, французов), изучение которых покажет Ломоносову образцы *государственной* оды (хотя бы с фиктивным сохранением некоторых формул оды комплиментарной).

Анализ привел нас к границе нашего вопроса. Но непосредственно за этой границей пролегал вопрос о парении, т. е. той главной особенности ломоносовского стиля, которая не только не

⁸² *Ronsard P. Oeuvres complètes. T. 1—8. Paris, 1857—1867, t. 2, p. 34.* Подробнее, хоть тоже мимоходом, приходилось нам говорить по этому вопросу в работе «Ломоносов и Малерб» (*Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII века, с. 127—128*). «Различно, о отрядный мир, Ты служишь мощной стражей народов и их городов» (*франц.*).